

Последний долг Отечеству

К 220-летию со дня рождения Н. М. КАРАМЗИНА

ВТОРАЯ неделя декабря 1825 года была, пожалуй, самым деятельным и драматичным временем в долгой и исполненной немалых трудов и тягот жизни Карамзина.

То был момент междуцарствия. 27 ноября в Петербург пришла весть о смерти Александра I.

В те дни Карамзин постоянно бывал в царском дворце и имел долгие беседы с вдовствующей императрицей Марией Федоровной и предполагаемым наследником престола великим князем Николаем. Историк Погодин со слов близких Карамзину людей передает, что Николай Михайлович говорил «о настоящем состоянии России, о причинах общего недовольствия и мерах, какими оно должно быть предотвращено. Он хотел воспользоваться благоприятным случаем, чтобы сообщить великому князю наследнику свои мысли...»

Опираясь на указания Погодина и ряд других материалов, можно попытаться в общих чертах реконструировать содержание этих весьма напряженных разговоров, в которых сконцентрировалась вся острота и вся решительность того исторического момента.

6 декабря в Петербург из Варшавы прибыл адъютант великого князя с письмом от Константина Павловича, содержащим резкий и окончательный отказ признать законной присягу ему, Константину I, и не менее резкий отказ приехать в Петербург для официального отречения от престола. В тот же день Николай вызвал двух самых авторитетных мастеров политического слога — Карамзина и Сперанского — и поручил каждому из них составить проект манифеста, который оправдал бы новую, повторную присягу.

В царском дворце настроение было крайне тревожное. Ни у кого из приближенных вдовствующей императрицы и великого князя критический характер ситуации не вызывал сомнений. Самые мрачные прогнозы исходили от генерал-губернатора Петербурга и начальника столичной полиции графа Милорадовича. Это он, страшая Николая бунтом в гвардии, настоял 27 ноября на послешной присяге Константину. Те-

перь, узнав о нежелании Константина царствовать, генерал-губернатор предрекал почти неизбежное возмущение гвардии при повторной присяге. Воцарения Николая не одобрял не только Милорадович, но и многие высшие чины, командовавшие гвардией. Конечно, реальная опасность для режима исходила не от генералов. Существование в гвардии и в армии Тайного общества было секретом полишинеля. К осени 1825 года император Александр располагал весьма подробными полицейскими донесениями на этот счет. 10 декабря соответствующие бумаги попали в руки великого князя Николая. Граф Милорадович обещал Николаю «обратить все внимание полиции на заговорщиков — и никого не арестовал. Даже люди, не посвященные во все обстоятельства дела, чувствовали, что надвигается взрыв. «Повсюду царит зловещая тишина и оцепенение. — записывает в своем дневнике жена Николая, великая княгиня Александра Федоровна. — Все ждут того, что должны принести с собою ближайшие дни. Вечером 13 декабря сам Николай подвел итог событиям минувшей недели: 24-го числа я буду государь или мертв».

Ясно, что находясь в непосредственной близости от августейшего семейства, даже в кругу его, Карамзин не хуже хозяев Зимнего дворца сознавал вероятность катастрофы. Также несомненно, что он гораздо прозорливее и несравненно шире, чем они, смотрел на происходящее.

Только с учетом той экстремальной обстановки, в которой происходили беседы Карамзина и Николая между 6 и 14 декабря, и с учетом исходных позиций того и другого собеседника можно попытаться сегодня, полтора века

спустя, вслушаться в их разговоры. Карамзин, согласно Погодину, повторим, говорил «о причинах общего недовольствия и мерах, какими оно должно быть предотвращено». В той конкретной ситуации обсуждение вопроса в аспекте долговременной государственной политики уже не имело смысла: «общее недовольствие» на глазах перерастало в безначалие, развал административного аппарата и грозило вот-вот обернуться мятежом — в этих условиях действию общественного негодования необходимо было противопоставить срочные и радикальные действия правительства. Реальной военной или полицейской властью Николай в тот момент не обладал. Оставалось последнее средство: попытаться уговорить, урезонить или же залугать недовольных. И Николай призывает Карамзина.

Тогда же, в середине декабря 1825 года, Карамзин составил краткую и весьма энергично изложенную записку, посвященную обсуждению той же самой темы «общего недовольствия», но обсуждению ее еще не с Николаем, а с императором Александром во время их частых бесед в последние годы александровского царствования. «Я не безмолвствовал, — заявляет Карамзин, — о налогах в мирное время, о нелепой... системе финансов, о грозных военных поселениях, о странном выборе некоторых важнейших сановников, о Министерстве просвещения или затмения, о необходимости уменьшить войско, воюющее только России, о мнимом исправлении дорог, столь тягостном для народа, наконец, о необходимости иметь твердые законы, гражданские и государственные». И далее Карамзин рассказывает, что в последней своей бесе-

де с Александром, продолжавшейся три с половиной часа, он «как пророк» сказал царю:

— Государь! Ваши дни сочтены. Вам некогда откладывать, а вам столько еще остается сделать, чтоб конец вашего царствования был достоин его прекрасного начала.

Александр на это отвечал, что непременно все сделает, а именно: даст России коренные законы. Что на языке того времени означало конституцию.

В разговорах, которые велись в Зимнем дворце между 6 и 14 декабря, Карамзин наверняка развивал те же мысли. И «нарекания» Карамзина в адрес покойного монарха, по словам Погодина, зашли так далеко, что императрица Мария Федоровна взмолилась:

— Пощади сердце матери, Николай Михайлович!

— Ваше величество, — отвечал Карамзин, — я говорю не только матери государя, который скончался, но и матери государя, который готовится царствовать.

Карамзин настаивал, чтобы в манифесте Николай обещал довершить то, что не успел сделать Александр, то есть чтобы манифест декларировал программу широких реформ, и, вероятно, шла речь и о «коренных законах». Во всяком случае, прения были весьма жаркие, а Карамзин был не из тех, кто горячится по пустякам. «В семействе Карамзина тотчас было замечено, по его возвращении, — пишет Погодин о разговорах Карамзина во дворце, — необыкновенное, напряженное состояние, в котором он находился. Лицо у него горело, щеки были красны, глаза сверкали каким-то неестественным блеском, голос дрожал... Домашние были уверены, что этими беседами во дворце истощаются последние силы потрясенного

организма и что здоровье, самая жизнь Николая Михайловича подвергнутся скоро опасности... Он продолжал ездить всякий день во дворец, говорить, то есть служить свою святую службу любезному Отечеству, отдавать ему, так сказать, свой последний долг». По условиям тогдашней цензуры Погодин не мог выразиться яснее, но и из сказанного очевидно: Карамзин считал свои резкие споры с великим князем делом первостепенной важности не только для себя, но и для России...

Восстание на Сенатской площади Карамзин отнюдь не одобрил. Он считал попытку декабристов пагубным заблуждением. Но в случившемся он, судя по всему, не в меньшей мере винил и самого Николая.

16 декабря, то есть лишь день спустя после роковых событий, Карамзин составляет подробный, на нескольких страницах документ, торжественно озаглавленный: «Для сведения моих сыновей и потомства». Он подробно разбирает и сличает две редакции манифеста: отвергнутый Николаем его, карамзинский, вариант и вариант обнаруженный, написанный самим Николаем с помощью Сперанского.

Отчего в момент трагического, так или иначе задевший почти всех близких ему людей. Карамзин вдруг занялся уже не актуальным, перечеркнутым событиями царским манифестом? Отчего его участие в этом деле так занимает его посреди, казалось бы, гораздо

более насущных забот? Отчего он, никогда ни перед кем не оправдывавшийся, считает в этом случае свою первой обязанностью оправдаться перед потомством? Оттого, конечно, что иной манифест, иная программа нового царствования — обещание реформ, обещание коренных законов — это, по его мнению, упущенная Николаем возможность предотвратить трагедию на Сенатской площади...

Могло ли, однако, случиться, чтобы обещание конституции, данное Николаем, предотвратило бы требование конституции, высказанное декабристами в день восстания? Николай прочел манифест о своем вступлении на престол в Государственном совете вечером 13 декабря. Однако содержание манифеста могло стать известно членам Тайного общества еще раньше: днем 13 декабря — по крайней мере трое из них виделись со Сперанским, в том числе близкий приятель и сотрудник Сперанского декабрист Батенков. Но даже если бы накануне восстания члены Тайного общества услышали о самых смелых царских обещаниях — поверили бы они им или нет? Ведь и Александр был знаменит тем, что «много обещал». Вероятно, обещания Николая прозвучали бы слишком поздно.

Декабрист Розен утверждал, что, объясняя Николаю смысл событий на Сенатской площади, Карамзин пытался вразумить царя:

— Заблуждения и преступление этих молодых людей суть заблуждения и преступления нашего века!

Да, такова была позиция Карамзина — он считал, что ответственность за случившееся лежит на всех. Он до конца продолжал свой спор с Николаем. Хотя спор был им проигран. И сознание этого исторического поражения наверняка повредило здоровью Карамзина не меньше, чем превратности скверной петербургской погоды.

Карамзин умер весной 1826 года.

Врачи полагали, что от воспаления легких.

М. ГОРДИН

На снимке: Н. М. Карамзин. Портрет Г. Венецианова, 1827 год.